

6333(2)
С 32

Академик
С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНКОКИЙ

СИНОПСКИЙ БОЙ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ

1944

ЗЕ 63,3/2)

С-32 Академик
С. Н. Сергеев-Ценский

СИНОПСКИЙ БОЙ

ОГИЗ

Государственное издательство
политической литературы

1944

Крейсерство эскадр Нахимова и Корнилова

Осенью 1853 года, при императоре Николае I, между Россией и Турцией началась война, которая должна была решить ряд экономических и политических вопросов на Востоке. Турции взялись помогать сильнейшие европейские державы — Англия и Франция. Английские политики того времени были недовольны тем, что Россия завела сравнительно сильный флот на Чёрном море и укрепила базу этого флота — Севастополь, французские же — тем, что Россия приобрела большое влияние на Балканах, забирая постепенно под своё покровительство балканских славян и греков, поданных турецкого султана.

Для переговоров с султаном Абдул-Меджидом Николай I отправил в Константинополь своего любимца князя Меншикова, бывшего в то время управляющим морским министерством и генерал-губернатором Финляндии. Но переговоры эти ни к чему не привели.

Меншикову приказано было остаться в Севастополе, чтобы руководить военными действиями, если они откроются. Они и действительно начаты были турками, которые без объявления войны напали на русский пограничный пост св. Николая на кавказском берегу Чёрного моря. Нападение было произведено ночью, неожиданно, притом большими силами. Весь русский гарнизон этого поста был уничтожен. В ответ на это 20 октября 1853 года¹ Николай I выпустил манифест о войне с Турцией. Командующим военно-сухопутными и морскими силами в Крыму был назначен князь Меншиков.

Начальником штаба Черноморского флота был генерал-адъютант вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, наиболее выдающимся из адмиралов был вице-адмирал Павел Степанович Нахимов — будущие герои Севастополя, самоот-

¹ Даты всюду даны по старому стилю.

Верженные защитники его, сыгравшие огромную роль при обороне города.

Ещё до получения манифеста о войне Меншиков направил эскадру судов под командованием Нахимова к малоазийским берегам. Крейсируя там, суда Нахимова должны были следить за тем, чтобы турецкие корабли не перевозили из Константинополя на кавказский берег ни войск, ни боевых припасов, ни оружия, которыми турки предполагали снабдить горцев Кавказа и поднять их потом против русских.

Приказом Меншикова Нахимову вменялось в обязанность наблюдать главным образом за Синопским портом как находившимся на перепутье между Стамбулом и Кавказом, наиболее благоустроенным и сильно укрепленным.

Синоп был древний город, основанный на турецком побережье выходцами из Греции. За две тысячи лет до нашего времени он был столицей могущественного в те времена Понтийского царства. В 1853 году Синоп представлял собой небольшой город, имевший тысяч двенадцать населения; в нём была верфь, на которой строились и чинились суда как торговые, так и небольшие военные. Жителями Синопа были турки и греки. Город резко делился на две половины: на одной — мечети и минареты, на другой — православные церкви.

Город защищали шесть батарей восьми- и шестиорудийные, помимо этого отдельные орудия были расположены у входа в бухту.

Несколько недель тянулась крейсерская служба черноморцев, бывших в эскадре Нахимова. Следить за действиями турецкого флота вовсе не значило вступать с ним в бой, кроме того уследить за этими действиями несколькими нахимовским парусным судам не было никакой возможности, так как турки при попутном для них ветре могли идти вдали от береговой линии. Естественно поэтому, что и офицеры, и матросы, и сам Нахимов — все желали только одного, чтобы трудному крейсерованию в открытом море, при котором исключалась какая-либо возможность заходить в тот или иной порт (все порты на малоазийском берегу Чёрного моря были турецкие), настал когда-нибудь конец. Суда, кроме того, трепало частыми штормами.

Когда Нахимовым получен был от Меншикова царский манифест о войне с Турцией, он передал это на свои суда как радостную весть: наконец-то пора неопределённости и бездействия окончилась, и каждому стало ясно, что ему следует делать.

В Петербурге не желали ставить Россию в состояние войны

Адмирал П. С. Нахимов

с двумя сильнейшими государствами Западной Европы из-за турецких берегов на Чёрном море, этим самым и задачи Черноморского флота чрезвычайно ограничивались: ему предписывалось нападать на турецкие суда только в открытом море, а не в том или ином порту.

Кроме Синопа, на малоазийском берегу Чёрного моря у турок были такие порты, как Трапезунд, Амастро и Пендерекли, а на румелийском (болгарском) берегу — Варна, Балчик, Сизополь.

После получения царского манифеста о войне с Турцией князь Меншиков послал одну дивизию судов Черноморского флота к берегам Румелии с целью встретить в море и истребить или взять в плен турецкую эскадру.

Командиром этой дивизии — четвёртой¹ — был контр-адмирал Фёдор Михайлович Новосильский. Вместе с его дивизией отправился Корнилов.

Корнилов, как и Нахимов, был участником Наваринского боя. Что касается Новосильского, то он в молодости, в чине лейтенанта, был участником знаменитого боя брига² «Меркурий» с двумя турецкими кораблями, — боя, из которого слабый русский бриг, с его восемнадцатью небольшими пушками, вышел победителем.

Четвёртая дивизия имела кроме парусных судов один только военный пароход «Владимир». Пароход этот направлялся вперёд, когда суда подходили к портам. Он должен был действовать как разведчик, — узнавать, не скрывается ли в том или ином порту турецкая эскадра. Если бы действительно случилось так, то «Владимир», пользуясь быстротою своего хода, должен был завязать перестрелку с турецкими судами, потом сделать вид, что бежит от них, и навести своих преследователей на парусные русские суда.

Несколько дней тянулось плавание, но турок в болгарских портах не оказалось. Тогда Корнилов решил отослать Новосильского с его судами на помощь Нахимову.

Он знал, что некоторые суда Нахимова, как, например, фрегат «Кагул» и фрегат «Коварна», несли сторожевую службу одиночным порядком. Эта служба была трудна, а они несли её уже долгое время, поэтому нуждались в отдыхе и замене их свежими силами. Наконец, Новосильскому было предложено Корниловым, если в дивизии Нахимова найдутся суда, сильно пострадавшие от шторма, заменить и эти суда своими,

¹ Всех дивизий в Черноморском флоте считалось пять. Пятой дивизией суды командовал Нахимов.

² Бриг — двухмачтовое судно.

с тем чтобы потерпевшие аварию были отправлены в Севастополь.

Эскадра Новосильского, вытянувшись в кильватерную колонну¹, двинулась на юго-восток, взяв курс на мыс Керемпе, вблизи которого, как это было известно, держался со своими кораблями Нахимов.

Но сам Корнилов медлил отдавать приказ следовать обратно в Севастополь. Он поручил своему адъютанту лейтенанту Железнову как можно точнее определить, каковы запасы угля в трюме, — нельзя ли ещё «поболтаться», как он выразился, в море. Когда Железнов доложил, что угля ещё достаточно, Корнилов приказал командиру «Владимира» капитан-лейтенанту Бутакову идти по направлению к порту Амастро, расположенному, как и порт Пендерекли, ближе к Босфору, рассчитывая найти там турецкую эскадру, хотя зона эта и была запрещена Меншиковым для военных действий русского флота.

Приняв (5 ноября) между портом Амастро и мысом Керемпе турецкий флот за эскадру Нахимова, Корнилов оставил его в стороне и приказал взять курс к появившемуся вдали пароходу, шедшему на юг.

Развив самый быстрый ход, «Владимир» стал приближаться к нему. Это оказался турецкий пароход.

«Владимир» подошёл к турецкому пароходу на пушечный выстрел.

По знаку Корнилова этот выстрел и был сделан. Ядро шлёпнулось около самого носа парохода... Пароход, стоявший к «Владимиру» левым бортом, окутался пороховым дымом, блеснули жёлтые огоньки, раздался грохот орудий... Огоньков насчитали пять: пароход оказался десятиорудийным.

«Владимир» имел небольшое преимущество: всего на одно орудие больше, но из его пушек три были пексановские — 68-фунтовые, так что сила его залпа значительно превосходила силу залпа турецкого парохода. Однако капитан этого парохода не спустил флага, как ожидал Корнилов, он решил сражаться.

На залп его парохода ответил залпом «Владимир», ядро сбilo флагшток² с турецким флагом, но тут же проворно поднял был новый флаг.

Преследуя врага, «Владимир» обрушил на него огонь своих орудий.

¹ Кильватерная колонна — строй эскадры, при котором корабли идут вслед за головным, один за другим, по одной прямой линии.

² Флагшток — вертикальный шест на носу или корме судна, на котором поднимается флаг.

Трудно было предположить, что меткая пальба, нанеся видимый вред и корпусу и рангоуту турецкого судна, не вывела из строя многих его защитников, однако сопротивление их не слабело.

— Сблизиться на картечный выстрел,—приказал Корнилов Бутакову.

— Картечь и абордаж!.. Это единственное, что осталось,—повторил про себя Корнилов и, обратясь к Железнову, добавил:—Сойдите-ка в каюту, принесите мне мой пистолет... А то вдруг при абордажном бое может оказаться, что их команда больше нашей.

Железнов кинулся по трапу вниз и через минуту вернулся с оружием, сам нацепил кавказскую шашку, Корнилову протянул его пистолет.

Капитан турецкого парохода, очевидно, понял замысел русского адмирала; когда дым отволокло в сторону, на палубе заметно стало усиленное движение матросов. Их было много сравнительно с небольшой командой «Владимира».

— Посмотрите, у всех ли наших людей есть абордажные пики,—обратился к Железнову Корнилов.—Бой будет жаркий, если не сдадутся.

Железнов, выполнив поручение, снова стал около Корнилова.

Топотали колёса, взбивая в белую пену зелёную воду, и вдруг почти в одно время трянули два залпа—с двух противоположных сторон. Корнилов изумлённо поглядел на своего адъютанта, правой рукой ударившего его в подбородок и потом повалившегося мешком на палубу.

— Что? Что с вами?—нагнулся было к нему Корнилов, но отшатнулся тут же: Железнов был убит наповал.

А залпы гремели один за другим с такими малыми промежутками, что трудно было бы сосчитать их. Бой продолжался около трёх часов. И вдруг, как отрезало,—упала тишина: турки спустили флаг!

— Отбой! Бей отбой!—скомандовал Корнилов.

— Отбой!—передали команду дальше, и барабанщик-матрос истоиво отстучал короткую, но значительную по своему смыслу дробь отбоя.

Имя неприятельского парохода оказалось «Перваз-Бахри», что значит «Морской выюн», и принадлежал он к египетскому флоту; мощь машины его была двести двадцать сил. Упорное сопротивление его «Владимиру» объяснялось героизмом его капитана; как только он был убит картечью (в одно время с Железновым), команда решила сдаться. Два других офицера, бывших на «Перваз-Бахри», погибли раньше капи-

тана. Команда парохода была многочисленна — полтора человека, сорок из них было убито и ранено; на «Владимире» же выбыли из строя только три матроса и лейтенант Железнов.

Корнилов сам осмотрел неприятельское судно, как опытный хирург осматривает тяжело раненного, и покачал головой.

— В таком состоянии мы не доведём его до Севастополя!

Мачты были расщеплены, труба измята и пробита в нескольких местах, палуба продырявлена здесь и там, корпус изувечен так, что Бутаков решил:

— Не больше как через полчаса эта развалина затонет.

Но Корнилов был не из таких, чтобы допустить это.

— Как можно! — возмутился он. — Дать ему ремонт, если только машина в исправности.

— Едва ли успеем осмотреть как следует машину, ваше превосходительство.

— Нужно успеть осмотреть и нужно успеть починить, — отозвался на это адмирал и не сошёл с «Перваз-Бахри», пока не убедился, что машина не пострадала.

Тогда начали в открытом море стучать топоры и молотки русских матросов, старавшихся предохранить судно от немедленного потопления.

К четырём часам дня получено было донесение о том, что приз¹ в состоянии держаться на воде и, пожалуй, даже не на буксире, а вполне самостоятельно может дойти до Севастополя.

Взяв с собой победный трофей, Корнилов догнал эскадру Новосильского. Команды судов встретили его криками «ура!» Он велел обойти все суда, чтобы все видели первый приз Черноморского флота в эту войну, захваченный после упорного боя. Это должно было поднять дух команд к предстоящему им большому сражению с турецким флотом.

Приказав Новосильскому идти на соединение с Нахимовым и передать ему всё виденное, Корнилов направился в Севастополь, куда должен был вслед за ним прибыть и Новосильский. Продолжив свой путь, эскадра Новосильского соединилась с эскадрой Нахимова. Утром 6 ноября, оставив Нахимову два корабля — «Святослав» и «Ростислав», — Новосильский с остальными кораблями направился к Севастополю.

Дул лёгкий норд-вест, когда 7 ноября часов в шесть вечера Нахимов отдал приказ по своей эскадре двигаться в кильватерной колонне за флагманским кораблём «Мария» по направ-

¹ Приз — захваченное в морской войне неприятельское судно.

лению к Синопу. Он хотел удостовериться, действительно ли там находится отряд турецких судов, как показала команда турецкого парохода «Медари-Тиджиаретт», взятого 4 ноября без выстрела пароходом «Бессарабия». Фрегату «Кагул» Нахимов приказал крейсировать у мыса Керемпе.

Ветер то крепчал порывами, то слабел до того, что паруса теряли свою напряжённость. Утром ветер дул уже не ослабевая и заставлял каждого из командиров судов то и дело взглядывать на барометр. К полудню же начался шторм очень большой силы.

По три, по четыре якоря бросали команды с каждого судна в море, чтобы только удержаться на месте, чтобы буря, как свирепю ни швыряла она суда, не могла бы всё же погнать их на береговые скалы, где они неминуемо разбились бы в щепки.

Два дня продолжалась напряжённейшая борьба со штормом. Слова команд приходилось выкрикивать в рупор, чтобы что-нибудь могли слышать матросы, так свистел ветер в снастях и скрипели мачты — вот-вот рухнут на палубу, — с таким шумом бились о борта волны.

Опасна была ночь с 7 на 8 ноября, — длиннейшая и темнейшая ночь, когда только и слышно было, как разноголосо выла буря, а устоять на судах было невозможно: их бросало, как жалкие лодчонки, и кренило, казалось бы, до предела.

И всё же это был далеко ещё не предел: наивысшей силы достиг шторм утром, когда все суда потеряли грот-марсель, когда у фрегата «Коварна», кроме того, треснула грот-мачта, а корабли «Святослав» и «Храбрый» получили такие сильные повреждения в рангоуте, что не могли уже нести все паруса. Пароход «Бессарабия» пришёл в состояние, в каком не был и «Владимир» после трёхчасового боя с «Перваз-Бахри», притом же и запас угля на нём приходил к концу.

Несвоевременный и жестокий шторм этот не только приостановил движение эскадры к Синопу, но ещё и вывел из рядов четыре судна в такой момент, когда у Нахимова вполне созрел дальнейший план действий.

Всё рушилось... Донесения о состоянии судов Нахимов получил вечером, когда упал ветер, но они оказались так тревожны, что на другой день утром он сам навестил все потерявшие суда.

Глазам Нахимова предстали корабли со сломанными фока-реями, с безнадежно треснувшими грот-реями у одного и грот-мачтой у другого... Запасного леса не было, да если бы и был, починка таких повреждений в открытом море была почти немислима.

Исправными оставались только три корабля: «Мария», «Чесма» и «Ростислав». Но с тремя кораблями безумно было бы самому ввязываться в сражение, в котором все преимущества были на стороне врага. И Нахимов решил отправить на другой день повреждённые парусные суда в Севастополь на ремонт, а «Бессарабию», которая должна была притти туда гораздо раньше их, отправить с письмом на имя Меншикова, содержащим просьбу о замене пострадавших от шторма кораблей здоровыми, способными к близкому бою.

Его беспокоило состояние фрегата «Кагул», оставленного в виду Амастро на сторожевом посту. Этот одиноко стоявший фрегат мог оказаться в таком же положении, как и товарищ его «Коварна», а между тем он находился слишком далеко, чтобы можно было подать ему какую-нибудь помощь.

— Да и какую же помощь мы ему можем оказать, если у него вдруг так же лопнула грот-мачта, как у «Коварны»? — говорил Нахимов, стоя рядом с командиром «Марии» Барановским и провожая глазами отходившие суда. — Разумеется, если он получил повреждения, то должен всё-таки притти к своему отряду, поскольку исполнить порученное ему дело он уже будет не в состоянии.

— А так как его что-то не видно, то, значит, он остался целёхонек и продолжает оставаться на своём посту, — сказал Барановский и добавил: — Что же третье ещё с ним может случиться?

— Как же так-с — «что третье ещё»? А турецкая эскадра-с? — метнул строгий взгляд на Барановского Нахимов.

В то время как Нахимов вёл разговор с командиром «Марии» о «Кагуле», последний шёл на всех парусах, преследуемый четырьмя фрегатами Османа-паши и держа курс не на свой отряд, а прямо на Севастополь.

Это преследование «Кагула» началось ещё вечером накануне, когда утих шторм. Как раз в Амастро и отставалась вся эскадра Османа-паши — пять фрегатов, шлюп и два транспорта с десантным отрядом, предназначенным для высадки в Сухум-Кале.

Турецкая эскадра вошла в порт ночью под седьмое, в дождливую пору; дождь не переставал и седьмого весь день, почему с «Кагула» и не было замечено её присутствие в порту. Потом начался шторм, и на «Кагуле» все были заняты борьбой со стихией за целость судна.

Судно удалось отстоять и сохранить его неповреждённым. Но только что разрешили себе вполне заслуженный отдых

вечером, как показалась в море против фрегата вся турецкая эскадра.

Команда «Кагула» едва успела натянуть паруса и сняться с якоря, так как борьба с пятью турецкими фрегатами и шлюп; пом была совершенно невысмыслимой и могла бы закончиться только гибелью судна, как бы ни была славна эта гибель.

«Кагул» был ходкий фрегат. Капитан-лейтенант Спицын, командир «Кагула», решил положиться на лёгкость хода своего судна, дул же теперь к ночи зюйд-вест, что и определило направление хода.

Старому турецкому адмиралу представлялось заманчивым и даже лёгким захватить этот русский фрегат. Однако турки вынуждены были гнаться за ним всю ночь и почти весь день 9 ноября, и всё же они не могли приблизиться к нему на пушечный выстрел, а когда близки уже стали берега Крыма, они совсем прекратили погоню. Так как на «Кагуле» оказался повреждённым руль, то фрегат вынужден был 14 ноября вернуться в Севастополь.

Турки вышли к Синопу и, соединившись с остальными судами своего отряда, пошли по направлению к порту, счастливо разминувшись с эскадрой Новосильского, которую шторм застал в открытом море.

Впрочем, далеко продвинуться в направлении Синопа турки не смогли: как это часто случается, настал после шторма штиль, и к утру десятого числа весь отряд Османа-паши остановился и стоял неподвижно милях в пятидесяти от так же неподвижно стоявшей эскадры Новосильского.

За дальностью расстояния противники не видали друг друга, хотя погода в этот день была ясная.

2

Синопский бой

О том, что эскадра Османа-паши вошла в Синопскую бухту, Нахимов узнал уже после того, как отправил в Севастополь чиниться те из своих кораблей, которые особенно пострадали от шторма. У него оставалось только три судна. Однако это его не остановило. Несмотря на ничтожность своих сил, он приблизился к рейду, сделал рекогносцировку всей бухты и установил расположение турецкого флота. В бухте оказалось свыше десяти боевых судов противника, бывших к тому же под прикрытием береговых батарей.

С отправленными судами Нахимов послал донесение Меншикову о положении, создавшемся в Синопе, и о своём наме-

ренин вступить в бой с силами Османа-паши. Он просил только, чтобы взамен пострадавших судов ему были присланы другие, боеспособные.

Посланные ему суда Новосильского были им встречены (16 ноября) с великой радостью, однако приказ князя непременно выманить турецкий флот в открытое море показался ему положительно невыполнимым.

Нахимов был поставлен в труднейшее положение этим приказом князя Меншикова. С одной стороны, случилось то, о чём он мечтал, — турецкий черноморский флот собрался в одном месте, где и мог быть весь истреблён; с другой — он собрался намеренно здесь, так как был под защитой береговых батарей; с третьей — Осман-паша послал уже телеграмму в Константинополь о помощи, так что надо было спешить со сражением; а с четвёртой — этого сражения нельзя было даже и начинать, так как выманить старого турецкого морского волка из его убежища на морской простор было, разумеется, невозможно.

Из трудного положения всё же как-то надо было выйти — время не ждало, и Нахимов собрал на своём флагманском корабле «Мария» совет командиров всех судов, на котором и было решено атаковать турецкий флот в порту, сделав всё возможное, чтобы не пострадал город.

Этот совет происходил 17 ноября.

В бою должны были участвовать шесть судов: «Императрица Мария», «Великий князь Константин», «Чесма», «Париж», «Три святителя» и «Ростислав».

Командиром «Парижа» был капитан первого ранга Истомин, будущий адмирал, прославившийся впоследствии при обороне Севастополя.

По распоряжению Нахимова два фрегата, входившие в его эскадру, «Кагул» и «Кулевчи», должны были оставаться в резерве.

Приказ, который продиктовал своему старшему адъютанту Нахимов, касался общих вопросов боя и был обширен, но заканчивался так:

«В заключение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего своё дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг.

Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота, — от нас зависит оправдать ожидания».

Нахимов в своём приказе, данном 17 ноября, не назначил дня атаки. Он сознательно, конечно, допустил полную неопределённость в этом, откладывая сигнал к атаке до «первого удобного случая». Военное судно, крейсируя в море во время войны, всегда должно быть готово к этому сигналу, и нет нужды заранее назначать для этого определённый день или час, тем более что «первый удобный случай» вполне может разминуться с этим заранее назначенным днём, даже часом.

Однако про себя он решил действовать без промедлений: слишком долго он ждал, крейсируя без захода в порт свыше месяца в штормовые погоды, именно этого «удобного случая», чтобы упустить его, когда он представится.

Утро 18 ноября было мглисто, шёл мелкий дождь, видимость была скверная... Но при всём этом дул самый благоприятный для нападения ветер — норд, хотя и шквалистый; временами он ревел глухо, как в лесу, в снастях восьми русских судов, временами слабел.

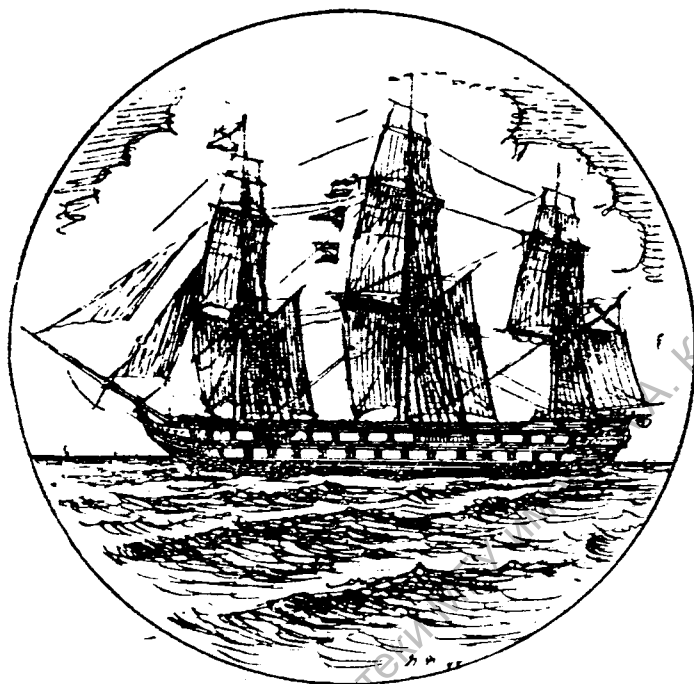
Ночью ветер был гораздо яростней, и дождь лил крупный, упорный, темнота кругом была кромешная, так что трудно было ожидать, чтобы утро предоставило «удобный случай» для атаки турецкого флота.

Скупое и медленно пробивался свет сквозь тучу, сплошь окутавшую небо над морем. В восемь часов всё кругом было ещё мглисто, только в девять, наконец, прояснилось, и дан был сигнал с адмиральского корабля «Императрица Мария» спустить гребные суда соответственно приказу.

Это показало всем, что скоро начнётся дело. Спуская шлюпки с палубы за борт, матросы взглядывали на мачты «Марии»: не появится ли новый сигнал о подготовке к бою. Сигнал был поднят в половине десятого: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд...»

На брамстенгах заплескались национальные флаги, отданы были якоря, и эскадра двинулась к Синопу, строясь по заранее полученной диспозиции, на ходу, в две колонны. Правую вёл Нахимов на «Императрице Марии», левую — Новосильский на корабле «Париж», командиром которого был В. И. Истомин.

Вместо «Ростислава» в колонну Нахимова вступил вторым «Великий князь Константин», третьей оставалась «Чесма», так что колонна Новосильского, в которой было два 100-пушечных корабля — «Париж» и «Три святителя», оказывалась сильнее колонны самого Нахимова. Распределяя так силы, Нахимов исходил из того, что, как замечено было им, наибо-

Линейный корабль «Императрица Мария», на котором держал свой флаг адмирал Нахимов в Синопском бою

лее сильные турецкие суда, 60-пушечные фрегаты, которых было всего четыре, расположились на флангах, на рогах полумесяца, по два с каждого фланга, а более слабые, 40-пушечные, — в середине; причём между обоими крыльями был интервал, дававший возможность действовать большой батарее, расположенной прямо на набережной Синопа.

Против колонны Нахимова должно было прийти шесть судов, против колонны Новосильского — только четыре, но зато на эту колонну ложилась задача борьбы и с береговой батареей на набережной, в то время как суда Нахимова должны были не только подавить огонь пяти турецких фрегатов и корвета, но ещё и уничтожить батарею укрепления, лежавшего хотя и вне городской черты, но в близком соседстве с городом.

Каждой из колонн, кроме того, предстояло выдержать и

подавить огонь батарей, охраняющих вход в бухту; две же остальные батареи, которым Нахимов не придавал особого значения, не могли влиять на исход боя, так как находились довольно далеко от Синопа, но их нельзя было миновать, огибая полуостров, чтобы войти в бухту.

Когда началось движение русских судов, шёл уже двенадцатый час.

Продолжал идти дождь, дул порывистый ветер; настроение команд всех восьми кораблей было приподнятое: никто не сомневался в победе, однако не всякий был уверен в том, что успеет в бою. На судно под вице-адмиральским флагом, на «Марию», глядели напряжённо, чтобы не пропустить сигнала к началу боя или последних важных притотворений к нему.

И вот, действительно, взвился сигнал.

Что там? Какой сигнал?.. И не верят глазам: адмирал, как на ученье, в мирной обстановке, показывает: «Полдень...»¹ И ничего больше. «Полдень...»

Через пятнадцать-двадцать минут начнётся жестокий бой, один из тех, которому присвоено будет название исторического, а пока ничего — полное спокойствие, полдень, суда идут полным ходом при попутном ветре, и сквозь кисею дождя уже видны на перешейке полуострова стены Синопа.

Чтобы не подвергать суда своего отряда действию двух передовых турецких батарей, Нахимов прошёл мимо них в расстоянии большем, чем миля. Хотя огонь ими и был открыт, — снаряды не долетали. Две батареи эти могли бы оказать большую услугу туркам в случае высадки русского десанта на полуострове, как это и предполагал сделать ещё в сентябре Корнилов, но при нападении непосредственно на турецкий флот двенадцать орудий этих батарей были бесполезны для защиты.

Зато, чуть только оба флагманских корабля, «Париж» и «Мария», подошли на пушечный выстрел к середине полумесяца турецких судов, как с флагманского фрегата «Ауни-Аллах», на котором был вице-адмиральский флаг Осман-паша, раздался первый выстрел.

Вслед за ним засверкала, загрохотала, запенилась, задымила вся бухта. Командиры турецких фрегат и корветов стремились со всюю поспешностью воспользоваться выгодой своего положения. Их суда стояли уже в боевом строю, охватывающем две параллельные колонны русских судов, которые должны были ещё строиться в боевой порядок, неизбежно та-

¹ Сигнал на кораблях в полдень для проверки показаний хронометров.

кой же самый, как и у их противника: полумесяц против полумесяца, меньший по дуге против большего. Кроме парусных у турок во второй линии дымились трубы двух пароходов — слева от входа в бухту; справа же, за линией боевых судов, виднелись два транспорта, и в третьей линии — два купеческих брига.

Но рассмотреть такие подробности можно было только с подхода, пока не загремела канонада; потом белый, как вата, густой пушечный дым покрыл всё море от судов до берега, и русские корабли засыпало чугуном ядер.

Турецкие артиллеристы целились вверх, в мачты, в такелаж¹: так было им приказано, таков был тактический приём, часто применявшийся в парусном флоте. У турецких командиров был и ещё расчёт на то, что русские матросы будут посланы вверх по вантам убирать паруса, представлявшие слишком благодарную цель, и вот тогда-то они посыплются вниз, как яблоки с яблонь во время осенней бури.

Но Нахимов был опытен: он помнил Наварин, когда впервые познакомился с тактикой турок. Его забота о парусах была проявлена раньше, он приказал их «взять на гитовы», то-есть уменьшить давление на них ветра, и тем уменьшить их площадь.

Орудия правого борта кораблей Нахимова и левобортные пушки Новосильского отстреливались направо и налево; но в то время, как турки имели перед собой одну цель и одну задачу — нанести нападающим как можно больше вреда, нападающие должны были под смерчем снарядов устанавливать при помощи шпрингов² свои корабли, становиться на якорь в определённой дистанции друг от друга. Это проделывалось на учениях в море, но тогда обстрел с неприятельских судов или береговых батарей только предполагался, теперь он гремел с всего полукружья.

Кроме сплошных ядер летели и книпеля — снаряды, состоящие из двух полушарий, скреплённых общим железным стержнем. Они обрывали снасти судов, — это и было их назначение... «Вы пришли, но вы не уйдёте назад!» — так можно было перевести грозный рёв и гул открытой турками канонады.

Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» остались позади и вне выстрелов даже со стороны береговых батарей, а головные

¹ Такелаж — совокупность всех снастей судна.

² Шпринг — особое приспособление, состоящее из канатов и служащее для того, чтобы по изменению ветра или течения судно оставалось повернутым бортом в желаемом направлении.

корабли «Мария» и «Париж» в полуверсте от противника остановились и повернулись к нему — первый правым, второй левым бортом, как это было предусмотрено диспозицией. Спокойно и быстро тут и там бросили якорь. По флагманским строились остальные суда. Пальба, начавшаяся на ходу, стала теперь и сильнее и серьезней: каждый из кораблей сосредоточил весь свой огонь на одной определенной цели.

Два старых наваринца очутились друг против друга: Нахимов — на «Императрице Марии», Осман-паша — на 44-пушечном фрегате «Ауни-Аллах». Только полкилометра разделяло их; на таком же почти расстоянии от «Марии» стал «Париж», потому что таков был интервал между соседним с фрегатом небольшим корветом «Гюли-Сефид» и ближайшим к нему фрегатом «Дамиад» из правого крыла турецких судов. В интервале же действовала береговая батарея в двенадцать орудий большого калибра.

Страшны по своему действию такие орудия береговых батарей, и лучше, чем кто-либо другой, знал это Нахимов, но он надеялся на свой противовес — бомбические пушки Пексана, из которых состояли батареи нижних палуб крупнейших судов Черноморского флота. Эти пушки назывались то пексановскими, по имени изобретателя их французского генерала Пексана, то 68-фунтовыми — по весу снаряда для них.

Европейская печать как бы замалчивала значение этих русских гаубиц. Но как бы она ни замалчивала их, они очень внушительно заговорили сами в этот злосчастный для турок день, и когда заговорили, то трудно уж было даже офицерам-наблюдателям со своих салингов¹, а тем более с грот-марсов разобратся как следует в том аду, который точно из недр Синопской бухты вырвался и закипел перед их глазами.

Как при извержении вулкана, поднявшегося со дна моря, бухта вся клокотала, клубилась дымом, белела высокими фонтанами здесь и там, вздывала волны, стонала, редела, грохотала, сверкала огнями выстрелов, как молнии из туч...

Нахимов всё время находился на юте² со своей неизменной подзорной трубой. Кусок мачты, разбитой ядром, упал вниз, ему на плечо. Наваченная шинель и эполет сюртука спасли плечо от перелома. Мелкие щепки и клочья разорванных парусов и вант сыпались на него, но он держался совершенно спокойно, как держался бы под дождём.

Не только за стрельбой с «Марии» следил он, насколько возможно было что-нибудь разглядеть, но и за действиями

¹ С а л и н г — площадка на верхнем конце стены (мачты).

² Ю т — кормовая часть верхней палубы судна.

других судов. Он даже хотел, как на учении, поднять сигнал — благодарность «Парижу» за быстроту и отчётливость его манёвров, но не на чём было поднять этот сигнал: фалы, сигнальные снасти, были перебиты.

Оба флагманских корабля, «Мария» и «Париж», приняв на себя всю тяжесть первых минут боя, нанесли и первые большие потери врагу. Не больше как через полчаса после начала сражения «Ауни-Аллах» уже отклепал свою якорную цепь.

Кто приказал это сделать, — сам ли Осман-паша, бывший уже десять лет в чине адмирала, или командир фрегата на свой страх и риск, но фрегат под вице-адмиральским флагом первым вышел из строя.

Он и не шёл — разумной человеческой воли не было заметно в его движении, — его несло ветром между линиями сражающихся судов, вправо от того места, где он стоял. Весь растерзанный бомбами с «Марии», с горами трупов на палубе, он похож был на призрак фрегата и, однако же, двигался куда-то, неизвестно зачем...

Выйдя из-под огня «Марии», он попал под пушки «Парижа» и, наконец, полуразрушенный, выкинулся на мель под правой береговой батареей.

Некогда было следить за его судьбой, — и у «Парижа» и у «Марии» оставалось ещё довольно противников, кроме сильной береговой батареи, с которой только теперь, в середине боя, начали вдруг лететь калёные ядра. Но поздно! Раньше чем вызваны были ими лёгкие пожары на русских судах, пламя охватило «Фазли-Аллах», стоявший в соседстве с флагманским фрегатом «Ауни-Аллах», так бесславно бежавшим из боя.

«Фазли-Аллах», бывший «Рафаил», пылал, точно заблаговременно исполняя приказ царя Николая I, данный им за четверть века до того: «Предать фрегат «Рафаил» немедленно огню, как недостойный носить русский флаг, когда попадёт снова в наши руки...» Все офицеры этого фрегата, возвратившиеся из турецкого плена, были разжалованы в матросы без выслуги.

Фрегат, хотя и старой постройки, старательно подновлялся и сберегался турками как единственный их трофей за время всех боёв с русским флотом начиная с Чесменского боя. Теперь трофей этот пылал, как факел, чёрным столбом своего дыма выделяясь над белым полотнищем дыма от пушек... Но вот стало заметно, как этот чёрный столб и языки багрового пламени под ним двигаются к берегу, под батарею, — это

командир фрегата решил повторить манёвр своего адмирала: якорная цепь была расклёпана, пылающий фрегат выкинулся на берег.

Почти вслед за этим настала очередь и корвета «Гюли-Сефид»: бомба с «Парижа» проникла в его кюйт-камеру, и корвет взлетел на воздух от взрыва. В облако дыма метнулось снизу тёмное облако обломков и человеческих тел и упало в бухту около мола.

Но с «Парижем» вёл борьбу не корвет «Гюли-Сефид», а 56-пушечный фрегат «Дамяд» и 64-пушечный флагманский «Низамиэ» с контр-адмиральским флагом,—по числу орудий равные «Парижу».

Покончив с бывшим «Рафанлом», Нахимов хотел было дать приказ «Марии» итти на помощь «Парижу», но разглядел, что «Дамяд» уже пятится к берегу, чтобы выбраться так же, как и «Фазли-Аллах». А долго ли мог сопротивляться «Парижу» один «Низамиэ», у которого были перебиты уже все мачты? Вот уж и на нём отклепали якорную цепь; отодвинувшись к берегу, он вдруг ярко запылал.

Прошло всего только сорок минут с начала боя, а половина турецкого флота — четыре фрегата из семи и корвет — погибла, сражаясь против двух только русских кораблей, погибла, несмотря на могущественную поддержку береговой батареи.

Однако огонь батареи этой не ослабел, и потому сначала «Мария», а за нею «Париж» направили против неё все свои пушки одного борта как против сильнейшего из звеньев всей вражеской цепи.

Эта батарея, по тому месту, какое занимала она в общем ряду береговых батарей, называлась у турок пятой; влево от неё по берегу расположена была (вне города) четвёртая, вправо — шестая, последняя.

Пока «Мария» и «Париж» боролись с пятью турецкими судами и пятой батареей в их тылу, корабли правой, нахимовской колонны, выдерживая усиленную пальбу с четвёртой и — более далёкой — третьей батареей, боролись с двумя 60-пушечными фрегатами — «Навек-Бахри» и «Насим-Зефер» — и корветом «Неджми-Фешан».

Минут двадцать длилась перепалка, казалось, без всяких результатов. Против двух крупных русских кораблей действовали две батареи, и эта помощь менее сильным, чем русские, судам не только уравнивала силы, но могла бы стать сокрушительной, если бы не гаубицы Пексана, занимавшие нижнюю палубу «Константина».

«Константин» был уже окружён двумя турецкими фрегатами и корветом; на нём тушили два небольших пожара, возникших от калёных ядер; «Чесма», ведшая в это время перестрелку с третьей батареей, спешила уже, снявшись с якоря, ему на помощь, как вдруг раздался взрыв, покрывший страшным грохотом всю канонаду: снаряд одного из бомбических орудий «Константина» покончил с фрегатом «Навек-Бахри».

Взрыв корвета «Гюли-Сефид» мог бы быть назван слабым сравнительно со взрывом этой громады. Мгновенно возникнув из дыма огромным столбом, обломки, обрывки, куски человеческих тел — всё это обрушилось на четвёртую батарею, загромоздив её так, что она умолкла совершенно. Видно было в трубу, как бежали от неё в сторону города турецкие артиллеристы.

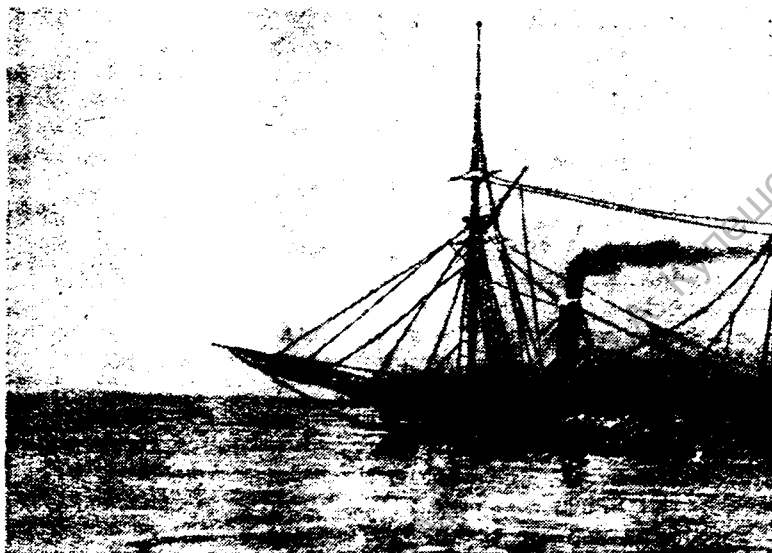
«Чесме» оставалось только усилить свой огонь против этой батареи, чтобы срыть её до основания и повернуться потом к третьей, которую обезвредить было гораздо труднее. А «Константин» повернулся на шпринге и продолжал бой с фрегатом «Насим-Зефер» и корветом. Минут десять ещё длилась эта борьба, пока ядро не перебило якорную цепь фрегата. Ветер понёс фрегат к молу против греческой части Симопа, и на корвете сочли, что больше ничего не остаётся сделать, как последовать за своим товарищем. Провожаемые стнём «Константина», фрегат и корвет выбросились на берег около пятой батареи; их команды бежали в город.

Бой нахимовской колонны с левым крылом турецких судов, которым руководил вначале непосредственно Осман-паша, почти закончился здесь; сопротивлялась огню «Чесмы» только третья батарея.

Но бой колонны Новосильского с правым крылом был к этому времени ещё в разгаре. Казалось бы, что это крыло, состоявшее только из трёх фрегатов и корвета под начальством контр-адмирала Гуссейна-паши, было слабее левого, но оно пользовалось мощной поддержкой пятой и шестой батарей.

В то время как «Париж» обстреливал огнём своих орудий корвет «Гюли-Сефид», крайний в левом крыле, и отражал весьма энергичный огонь двух фрегатов правого крыла «Дамиада» и «Низамиз», стоявший непосредственно за «Парижем» корабль «Три святителя» вступил в бой с фрегатом «Каиди-Зефер». На долю «Ростислава» пришлось задача гораздо более сложная: кроме корвета «Фейзи-Меабуд» против него направила все свои усилия шестая батарея.

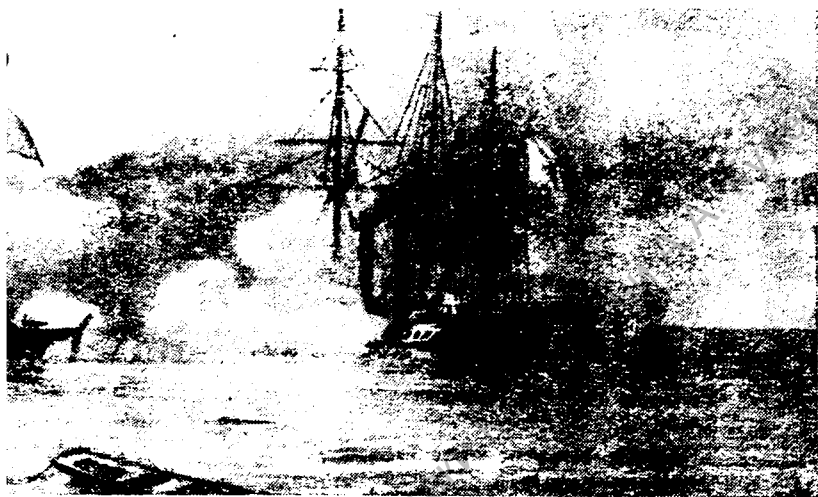
Неудача корабля «Три святителя» состояла в том, что он

в самом начале боя потерял возможность управления: неприятельское ядро перебило его шпринг. Оставшись на одном только якорю, огромное судно это по воле ветра повернулось и к своему противнику-фрегату и к шестой батарее кормю, то-есть попало под продольные выстрелы врагов — положение самое опасное из всех, в какие могло попасть парусное судно: его орудия обоих бортов не в состоянии отвечать при таком положении на обстрел врага.

Ядра и гранаты летели в корабль с двух сторон. Одна за другой были разбиты в две-три минуты все мачты. Желая выручить попавшего в беду товарища, «Ростислав» перестал отвечать корвету «Фейзи-Меабуд», а все орудия левого борта направил против батареи.

Нужно было заменить перебитый шпринг, и с корабля «Три святителя» были спущены баркас и полубаркас с матросами под командою мичмана Варницкого, чтобы завести верп (якорь) с кормы. Кругом, и в воду и в корабль, летели ядра, одно из них ударило в полубаркас, на котором был Варницкий и несколько матросов, при этом толстою щепкою разбитой

лодки мичман был ранен в руку. Но лодка тонула, некогда было думать о ране, и мичман первым перескочил в баркас, за ним вся его команда. Ледяная вода бурлила от шлёпавшихся в неё ядер, дым ел глаза, залпы своих и чужих пушек гремели кругом, но завести якорь было необходимо, и это сделали матросы. Громадина вновь грозно ошетибилась против врага жерлами шестидесяти двух орудий.

Не прошло после этого и десяти минут, как расстрелянный фрегат «Каиди-Зефер» принуждён был бросить своё место в строю и выкинуться на берег. Но как раз в это время величайшая опасность угрожала и «Ростиславу». В одно из его орудий ударила граната большого калибра; она не только разорвала это орудие, но, разбив также и палубу, воспламенила пороховой ящик. Взрыв этого ящика (кокора) произвёл большое опустошение среди скученных на палубе матросов: до сорока человек из них были ранены или получили тяжкие ожоги. Но страшное действие роковой гранаты на этом не кончилось: на корабле начался пожар, причём загорелся так называемый кожух, и горящие клочья его стали падать как

раз у входа в кюйт-камеру, где пороха было куда больше, чем в одном кокоре, а дверь в кюйт-камеру как раз и была приоткрыта.

Буквально секунды были отпущены кораблю, а спустя эти несколько секунд он неминуемо должен был взлететь на воздух, точно так же, как это случилось не с одним уже турецким судном: одной искры, которая попала бы в кюйт-камеру, было довольно, чтобы взорвать «Ростислав».

Нужно было, чтобы кто-то, мгновенно поняв это, проявил полное хладнокровие и тут же бросился бы к дверям кюйт-камеры, чтобы затворить их, и к пылающему кожуху, чтобы потушить пожар. Эту находчивость и хладнокровие проявил бывший тут и случайно уцелевший при взрывах гранаты и корора молодой мичман Колокольцев.

Он не только закрыл дверь, — дверь в небытие и корабля и всей команды, — но, схватив банник¹ и став спиной к этой двери, начал обрывать и отбрасывать банником подалеже горящие клочья кожуха. Тут же на помощь ему подскочили матросы, которые сорвали, наконец, весь кожух с крючьев и сбросили его в море.

Так был спасён «Ростислав». Обожжённых и раненых вынесли с палубы с той поражающей непривычных людей быстротой и чёткостью движений, с которой всё делается на кораблях во время учений и боя, очистили палубу от мешающих обломков и, как бы в награду за это, увидели через две-три минуты, что корвет, приславший им гранату, сильно качаясь на ходу, двинулся к берегу вслед за фрегатом «Каиди-Зефер». Корвету «Фейзи-Меабуд» удалось продержаться чуть-чуть дольше, чем всем остальным военным турецким судам, и покинуть поле битвы последним.

Тем временем пожар, охвативший «Фазли-Аллах» (бывший «Рафаил»), дошёл до его кюйт-камеры, и сильнейший взрыв при усилившемся норде засыпал горящими обломками турецкую часть Синопа.

Загорелся город. Горел фрегат «Низамиэ», подождённый, как оказалось после, бежавшей с него командой. Горели также один из транспортов и купеческий бриг, другие затонули от русских снарядов. Горел и один пароход — меньший. Другой же, «Таиф», бежал ещё в самом начале боя: адмирал Слэд помнил своё сражение с одним, почти неподвижным при безветрии русским фрегатом «Флора», и этого было с него довольно, чтобы отказаться от попытки зайти в тыл русской

¹ Банник — приспособление для чистки и смазывания канала ствола пушки.

Истребление турецкого флота на Синопском рейде 18 ноября 1853 г.

эскадре и обстрелять тот или иной корабль продольными выстрелами своих бомбических орудий.

Под прикрытием дыма от первых же залпов турецких и русских судов он вышел на рейд, но счёл более умным совсем бросить и свою эскадру и Синоп и бежать по направлению к Босфору. Конечно, куда как хорошо быть первым вестником победы, но иногда неплохо бывает стать и первым вестником поражения, особенно когда поражение это может быть, да и должно быть, соответствующим образом освещено, чтобы возвести его в ореол геройства, а победителей заклеить бесславием.

Но для того чтобы явиться с обстоятельным докладом, ему необходимо было, конечно, продержаться в тылу до конца.

Однако в тылу стояли «Кагул» и «Кулевчи», назначение которых в том только и состояло, чтобы следить за действиями пароходов; и хотя «Таиф» не проявлял никаких действий, всё-таки они двинулись было к нему, испытывая при этом всё неудобство состязания в скорости между парусными судами и паровым.

Слэду ничего не стоило лавировать, как он хотел, — пароход слушался руля, но совсем не то было с парусами при перемене курса: на долю русских матросов выпала очень сложная и трудная работа.

Слэд не видел для себя опасности в весьма неповоротливых фрегатах, от которых он всегда мог уйти, но ему нужно было досмотреть до конца кипевший бой.

Однако когда уже большая часть турецких судов была или взорвана русским огнём или вышла из строя, выкинувшись на берег, а два русских фрегата стали обходить «Таиф» справа и слева и дали уже по нём первые залпы, за большим расстоянием не причинившие ему вреда, Слэд решил, отстреливаясь, обогнуть полуостров, тем более что наблюдателю с мачты через перешеек полуострова гораздо лучше было видно, что происходит на рейде, да и в самом городе.

Но, уйдя от «Кагула» и «Кулевчи», «Таиф» наткнулся на русские пароходы, из которых головной, «Одесса», был под флагом вице-адмирала Корнилова, посланного Меншиковым 17 ноября принять начальство над эскадрой в случае боя.

Шедшие под командованием Корнилова три парохода-фрегата — «Одесса», «Крым» и «Херсонес» — благодаря попутному ветру на полных парусах пересекли Чёрное море за сутки. На рассвете 18 ноября они подошли к мысу Пахиосу, где Корнилов предполагал найти эскадру Нахимова.

Эскадры этой, однако, не было видно. Лил дождь, за которым берег совершенно скрывался.

Корнилов приказал свернуть паруса и застопорить машины, пока станет виднее и можно будет определить, куда идти на соединение с Нахимовым.

Так простояли пароходы до десяти часов, когда, наконец, ослабел дождь и значительно рассеялся мрак на горизонте. Тогда Корнилов приказал Бутакову подвести «Одессу» к самому берегу и идти по направлению к Синопу, другие два парохода должны были следовать также к Синопу, но на расстоянии самого дальнего сигнала, и высматривать русскую эскадру.

Пароходы шли медленно, тихим ходом, и два часа понадобилось им, чтобы подойти к Синопскому перешейку, через который в это время уже летели первые русские ядра и пенили море.

Корнилов увидел в трубу русский флаг на фор-брамстеннге корабля «Мария» и понял, что опоздал.

Он приказал дать сигнал остальным пароходам: «Держаться соединённо», а на «Одессе» велел поднять егб, Корнилова, флаг.

Прошло несколько минут, пока «Крым» и «Херсонес» сблизились с «Одессой»; затем полным ходом все три парохода двинулись, огибая полуостров, в бухту, где бой был уже в разгаре, — шёл второй час дня.

Однако разглядеть, что делалось в глубине бухты, не удалось Корнилову: он увидел, как навстречу «Одессе», но вне выстрелов её орудий, шёл большой чёрный пароход, явно турецкий, и за ним двигалось два фрегата, очень знакомые по очертаниям, — «Кагул» и «Кулевчи».

Догадаться, что турецкий пароход просто бежал, а русские фрегаты гнались за ним без всякой надежды его догнать, было нетрудно, и Корнилов приказал сигнализировать: «Пароходам атаковать неприятеля, поставив его в два огня».

Два фрегата сзади, три парохода спереди, — положение следа могло бы показаться довольно трудным, но только для людей, мало знакомых с морским делом.

Такого быстроходного, сильного по вооружению парохода, как «Таиф», не было у черноморцев. Самый мощный из паровых судов, «Владимир», был ровню вдвое слабее «Таифа»; значительно слабее его были все три русских парохода, вместе взятые: они имели только восемнадцать орудий против двадцати двух на «Таифе», у которого к тому же батареи были закрытые и два орудия — бомбические, десятидюймовые.

Прикрываясь первой и второй береговыми батареями, Слэд вёл свой пароход вдоль берега, в то время как оба фрегата, погнавшиеся за ним, безнадежно отстали, а пароходы «Крым» и «Херсонес» ещё не подошли на пушечный выстрел.

Однако Корнилов приказал временно командовавшему «Одессой» Бутакову на полных парусах и полным ходом машин итти на пересечку курса турецкого парохода.

Не будь на «Одессе» Корнилова, «Таиф» ушёл бы, не обменявшись ни одним выстрелом со слабым и тихоходным русским пароходом, бывшим пакетботом¹. Но Корнилов очень ярко помнил свой совсем недавний успех в бою с «Перваз-Бахри», который к тому же не бежал, а, напротив, держался весьма уверенно. Этот же пароход бежал, и ведь неизвестно было, в исправном ли состоянии. Может быть, он уже довольно тяжко подбит, почему и не развивает хода.

— Открыть огонь! — скомандовал Корнилов, и первые ядра полетели в «Таиф», в то время когда «Крым» и «Херсонес» были ещё далеко, хотя и спешили на помощь «Одессе».

Перед «Таифом» был пока всего один небольшой русский пароход, привлекавший внимание Слэда своим вице-адмиральским флагом. Противник был достоин ответных выстрелов, и перестрелка завязалась.

Дождь, прекратившийся было в полдень, незадолго перед встречей с «Таифом», начался снова. «Таиф», бежавший вдоль берега, представлял собой плохую цель: его силуэт сливался с такими же туманными силуэтами береговых скал; русский же пароход довольно отчетливо выделялся на фоне моря, и желание нанести ему большой вред, если даже не потопить совсем, заставило Слэда уменьшить ход «Таифа».

Залпы по «Одессе» следовали быстро один за другим, однако снаряды давали перелёты. На «Одессе» же единственное бомбическое орудие не могло отвечать противнику, так как платформа его соскочила со штыря², и в самое горячее время команда возилась с этой платформой, утверждая её на прежнем месте, что было не так легко.

Корнилов стоял на площадке, поминутно то вглядываясь сквозь трубу в своего противника — нет ли попаданий в него, то озираясь назад — близко ли «Крым» и «Херсонес». Над головой его свистели большие снаряды турок, но он не о них думал, а о том, что как только подойдёт поближе «Крым», он прикажет выкинуть сигнал: «Свалиться на бордаж».

«Крым» приближался, однако и стрелки карманных часов

¹ Пакетбот — почтовый пароход.

² Штырь — болт.

Вице-адмирал В. А. Корнилов

Корнилова приближались уже к трём часам: не менее как полтора часа длилась погоня за турецким пароходом.

Между тем дождь усилился; за его плотной кисеей с трудом уже можно было различить быстро удалявшийся чёрный «Ганф». Расстояние, отделявшее его, всё более и более увеличивалось.

Пальба со стороны Синопа не прекращалась, и Корнилов, приказав прекратить погоню и повернуть «Одессу» назад, дал сигнал «Крым» и «Херсонесу»: «Следовать за мной».

В Синопской бухте в это время, то-есть в три часа, шла перестрелка русских кораблей с береговыми батареями — третьей, пятой и шестой; только четвёртая молчала, срыта до основания залпами «Чесмы».

Нахимов не мог признать боя законченным, пока береговые орудия могли ещё наносить вред, хотя турецкие суда и были уже все истреблены час назад.

Если не все они были взорваны, как «Фазли-Аллах», или «Навек-Бахри», или корвет «Гюли-Сефид», и не все горели как «Низамиэ» и другие, то приткнувшиеся к берегу или имели были уже бессильны и в большинстве совершенно лишены своих команд, частью погибших, частью бежавших на берег.

Синоп горел. Зажжённый горящими обломками «Фезли Аллаха» и гранатами с судов, он пылал в разных направлениях в турецкой части, в то время как греческая оставалась невредимой.

Это объяснялось просто тем, что пятая береговая батарея, наиболее сильная и по числу, и по калибру орудий, и по количеству снарядов к ним, и по своим укреплениям, находилась против турецкой части, прикрывала её, оставляя греческую без защиты, поэтому-то большая часть русских снарядов и направлялась против этой батареи, отчего неминуемо должны были пострадать и пострадали турецкие кварталы.

Нахимов предвидел это, хотя и знал, как неодобрительно посмотрят на это там, в Петербурге, да и Меншиков в Севастополе. Усердно глядя в трубу, он силился разобрать в дыму и пламени, цел ли ещё там хоть один дом с каким бы то ни было флагом, но не находил ни одного такого, который напоминал бы консульский дом, хотя сам же и приказывал их «щадить по возможности».

Зато он видел и знал, как сильно пострадал в бою его флагманский корабль «Мария»: в нём было до шести десятков пробоин, причём несколько из них подводных. Командиру «Марии» Барановскому перебило обе ноги обломком мачты, разбитой турецким ядром. Мичману Костыреву, который был одним из флаг-офицеров Нахимова, оторвало осколком гранаты два пальца на левой руке; кроме него ранено было ещё два молодых офицера и человек шестьдесят матросов, шестнадцать матросов оказалось убито.

О потерях на других судах Нахимов ещё не знал, но предполагал, что они не меньше, и это его угнетало.

Но вот «Чесма» и «Константин» справились, наконец, с третьей батареей, а шестая хотя и посылала ещё выстрелы, но

редко: большая часть орудий там была уже подбита. Ещё несколько залпов с «Марии» и «Парижа», и пятая батарея была скрыта, а следом за ней перестала действовать и шестая, приведённая к молчанию кораблями «Ростислав» и «Три святителя». Турецкий берег утих.

Но как раз в это время показались один за другим пароходы, шедшие полным ходом. Это была эскадра Корнилова. От головного парохода «Одесса» отвалила шлюпка по направлению к турецкому фрегату «Насим-Зефер», рядом с которым горел другой фрегат, «Низамиэ», подожжённый бежавшей командой.

Хозяйский глаз Корнилова усмотрел опасность для первого фрегата, и Корнилов послал лейтенанта Кузьмина-Караваева с командой матросов отстоять непременно от огня «Насим-Зефер» как приз, который должен быть отправлен в Севастополь.

Приблизившись к флагманскому судну «Мария» и увидав на шканцах¹ сутуловатую фигуру Нахимова, Корнилов зааплодировал ему, крича: «Браво, Павел Степаныч!»

Встреча двух вице-адмиралов была очень интересна по непритворной пылкости одного и столь же непритворному спокойствию другого, хотя и находившегося два с лишком часа под огнём.

— Поздравляю, поздравляю от души, Павел Степаныч! Поздравляю с победой! — восторженно говорил Корнилов, обнимая Нахимова.

— Да ведь я тут при чём же? — вполне искренно удивлялся его восторженности Нахимов. — Ведь это всё команды сделали, а я только стоял на юте, смотрел и совершенно ничего больше не делал-с!

— Команды?.. А команды кто так обучил, — не вы ли?

— Нет-с, не я-с! — поспешно отозвался Нахимов. — Это всё покойный Лазарев, Михаил Петрович, — всё он, а я что же-с... Я и сам-то только его ученик...

— Ах, скромник! Ах, какой, какой он скромник, этот Павел Степаныч! — любуясь Нахимовым, качал головой Корнилов. — Ну уж, так ли, иначе ли, а победа славная!.. Гораздо выше Чесмы победа! Что Чесма! Выше Наварина даже!

¹ Шканцы — часть верхней палубы парусного судна, место, предназначенное для парадов, встреч, разводки вахт и т. п.

После боя. Возвращение эскадры в Севастополь

Шлюпки, катера, полубаркасы, отправленные с русских судов к не охваченным ещё пока пожаром турецким судам, бороздили в разных направлениях поверхность бухты, теперь уже совершенно утихшей.

Поразительна была эта тишина после недавнего страшного грохота нескольких сот орудий в течение двух с лишним часов. Теперь слышны были только команды или просто окрики на русском языке, а там со стороны турок — треск дерева, пожираемого огнём; людей нигде на берегу не было видно.

Когда матросы с «Одессы» под командой лейтенанта Кузьмина-Караваева пристали к фрегату «Насим-Зефер», никто не оказал им сопротивления, никто даже не подошёл к трапу, по которому они поднимались на батарейную палубу; можно было думать — так и подумали, — что на фрегате нет ни одной живой души.

Однако один матрос, подымаясь, заметил, покрутив головой и потянув носом:

— Не-ет, должно, люди тут есть; шибко турецким табаком пахнет!

И действительно, на палубе турок оказалось много: они сидели на полу, подобрав под себя ноги, и почти все безмятежно курили: «кисмет» — судьба, ничего не поделаешь, остаётся только ей покориться.

У Кузьмина было человек десять матросов, и его, как и всех матросов, поразило то, что по всей палубе между курильщиками был рассыпан кучками порох, который каждую секунду мог взорваться от первой попавшей в него искры.

— Ваше благородие, что же это такое? — испуганно обратился к лейтенанту один старый матрос, остановясь у открытой двери. — Ведь это у них в кройт-камеру дверь!

— Сейчас же закрой! — крикнул ему Кузьмин и, повернувшись к туркам, так скомандовал: — «Не ку-ри-ить!.. Бросить все трубки за борт!», что турки проворно вскочили и опустили руки по швам, хотя и не поняли команды.

Среди матросов был один, немного говоривший по-татарски; но пока он объяснялся с ближайшими к нему турками, другие матросы поспешно кинулись отбирать трубки и швырять в море.

— Залить весь порох на палубе водой, — скомандо-

вал своим лейтенант, когда отобраны были трубки и матросы рассыпались по фрегату, отыскивая вёдра, так как не надеялись найти у турок помпу, и ругались при этом.

— Вот народ бесхозяйственный! Вот лодыри, черти!.. Возле пороху сидят и, зная себе, курят, как миленькие! Ну и народ-од!

Посчитали потом пленных — оказалось около двухсот человек здоровых, человек двадцать раненых. В стороне лежали убитые — восемнадцать тел. Остальные из команды фрегата, как оказалось, пустились вплавь к берегу, и одни доплыли, другие утонули.

Около капитанской каюты нашли тело командира фрегата.

Нужно было расклепать якорную цепь, чтобы отвести фрегат подальше от другого, жарко пылавшего фрегата, но это оказалось не так просто: болты были сильно заржавлены. Принялись рубить одно из звеньев цепи, а пока возились с ней одни матросы, другие занялись перевозкой пленных на ближайший корабль «Три святителя».

Неспущенный турками флаг был снят и отправлен на «Марию» Нахимову как трофей, а фрегат отвели, наконец, подальше от его пылавшего товарища и от русского корабля, но, увы, он был до того разбит снарядами, что дотащить его до Севастополя было бы совершенно невозможно. Решено было поэтому сжечь его, чтобы не оставлять туркам.

На флагманский турецкий фрегат «Ауни-Аллах» взошёл с посланной Нахимовым шлюпки мичман Панютин с несколькими матросами. «Ауни-Аллах» тонул уже, большая часть его корпуса погрузилась в воду.

На нём не думали уже найти никого, поэтому велико было удивление мичмана, когда он увидел на палубе человека по пояс в ледяной воде, державшегося дрожащими руками за пушечный брюк, то-есть канат, которым орудие прикрепляется к борту.

Глаза его были вытаращены, лицо тряслось, форменная феска была надвинута на оттопыренные уши, но ни шинели, ни даже мундира на нём не было, — только рубашка, мокрая вплоть до ворота.

Более бедственное положение трудно было представить.

Панютин сам кинулся, в чём был, в воду, чтобы его вытащить, так как гибели судна можно было ожидать с минуты на минуту. Он не знал, кто это. Когда матросы на руках втащили спасённого от близкой смерти в свою шлюпку, он только слабо стонал и бился от потрясающего озноба.

Его отправили на «Марию», и только там подтвердилась

неуверенная догадка мичмана, что спасённый им не кто иной, как сам Осман-паша.

Обогретый, перевязанный судовым врачом Земаном, он рассказал Нахимову и Корнилову на плохом французском языке, как его не только бросила, но ещё и ограбила команда фрегата, спасаясь с тонувшего судна на берег.

— Показалась течь, — рассказывал адмирал, — вода всё прибывала... Надежд уже не было никаких... И вот началось бегство и офицеров и матросов... А я был ранен в этот как раз момент и лежал с перебитой ногой. Я приказал перенести себя в шлюпку, но меня уже не слушали... Раненых всех бросали, если они не могли двигаться сами, не могли плыть к берегу, потому что шлюпки ушли, но они не вернулись... негодяи бросили их там, на берегу, а сами бежали. А я остался... Я остался в воде, достигавшей уже до колен, раненный вашим снарядом и ограбленный и брошенный на погибель своей командой, — я, который сорок два года провёл на морской службе и последние десять лет из них был адмиралом его величества султана!..

Слушая его, Корнилов изумлённо пожимал плечами и вопросительно глядел на Нахимова, а когда Осман-паша попросил разрешения укутаться с головой в одеяло, так как он теперь весь дрожал больше нервической дрожью, чем от озноба, Корнилов не выдержал, чтобы не обратиться к победителю турецкого адмирала с вопросом.

— Ведь даже и думать нельзя, Павел Степаныч, чтобы наши матросы позволили себе что-нибудь подобное с кем-либо из адмиралов нашего флота, а?

Нахимов поглядел на него с оттенком укоризны и ответил:

— Что касается меня, Владимир Алексеич, то мне даже и вопрос подобный как-то никогда не приходил в голову.

Синоп же между тем горел, и незаметно было, что он-нибудь тушил там пожары, хотя перестрелка и прекратилась.

Мичман Манто, родом грек, с небольшой группой матросов довольно бесстрашно шагал по пустынным улицам, воздух которых был горяч, душен, пропитан гарью и дымом. На рукаве чёрной шинели мичмана белела повязка парламентаря; в кармане шинели лежала немногословная бумажка, полученная непосредственно от самого Нахимова, — обращение к населению города, которому рекомендовалось немедленно приступить к тушению пожаров и восстановлению порядка. При этом население предупреждалось, что если раздастся хотя один выстрел по русской эскадре, то весь город будет уничтожен бомбардировкой.

Пылали и рушились здесь и там крыши домов, ревел в ужасе скот, выли собаки, металась в дыму голуби, из населения же никого не видно было в турецкой части Синопа.

Напротив, население греческой части, где, кстати сказать, не горел ни один дом, почти всё было на улицах.

— Возьмите нас всех с собой! Возьмите нас всех в Россию! — кричали, густо обступив мичмана Манто, греки.

— Что вы, что вы! Куда же нам взять несколько тысяч человек? — пробовал возражать Манто, но греки были в паническом ужасе. Они кричали:

— Нас всех завтра же к вечеру перережут турки, если вы утром уйдёте отсюда!

— Мы христиане! Русские должны спасти своих единоверцев!

— Мы пошлём депутацию к вашему адмиралу.

— Что же может сделать наш адмирал? Куда он денет несколько тысяч человек? Суда наши не поднимут столько! — пытался урезонить кричавших греков мичман Манто, но тем это казалось только отговоркой.

Они клялись, что не возьмёт с собой никакого багажа, что им лишь бы спасти свои жизни, что русский царь будет благодарен за них своему адмиралу, так как они, синопские греки, в большинстве своём или корабельные плотники, работавшие здесь на верфи, или каменщики, слесари, кузнецы, огородники, садовники, — вообще рабочие люди, которые будут трудиться и в России.

— Всё это хорошо, но почему вы всё-таки так боитесь, что турки вас перережут? — спросил Манто. — За что именно будут они вас резать?

— Как за что? — удивились в свою очередь греки такой недогадливости русского офицера. — Ведь турецкий квартал сгорел, а не наш, — вот за это и будут резать.

— Попробуйте счастья, пошлите депутацию к адмиралу Нахимову, — сказал, наконец, Манто. — Только лучше бы вам было вооружиться самим, чем попало, и защищаться от турок, если они нападут.

Из лиц, которых можно было хотя бы с натяжкой причислить к властям, Манто после долгих поисков нашёл только австрийского консула, которому и передал требование Нахимова. Греки же действительно послали депутацию на корабль «Мария», и Нахимов, выслушав взволнованных синопцев, сказал, что он был командирован сюда для сражения с турецкой эскадрой, а совсем не за тем, чтобы вывозить отсюда в Россию несколько тысяч человек подданных султана, и что этот

шаг, если бы он его сделал, грозил бы большими политическими осложнениями для России, не говоря уже о том, что суда его теперь слишком чувствительны ко всякой лишней тяжести, так как очень повреждены.

К тому времени Нахимовым были собраны сведения о том насколько пострадали суда его отряда. Кроме «Марины» больше других пострадал корабль «Три святителя»: на нём насчитывалось до пятидесяти пробоин и все мачты были сбиты. «Константин» также остался без мачт и получил тридцать пробоин. Посчастливилось только одному «Парижу»; у него было всего шестнадцать пробоин и мачты целы, а потери в людях ничтожны, хотя он сражался с несколькими турецкими судами и самой сильной из береговых батарей — пятой. Не зря Нахимов хотел во время боя благодарить сигналом команду «Парижа».

Больше других потерял людей «Ростислав» из-за взрыва кокора: на нём вышло из строя свыше ста человек — почти половина общих потерь эскадры. У турок же, по подсчёту их пленных офицеров, погибло в этот день не менее четырёх тысяч.

В темноте наступившей ночи последние турецкие фрегаты, подожжённые командами русских матросов, пылали зловеще и жутко, но на израненных в бою кораблях багровый свет пожаров как в море, так и в Синопе помогал судовым плотникам заделывать бреши в обшивке и устанавливать запасной рангоут на палубах.

Среди пробоин были и подводные, — их нужно было заделывать в первую очередь, чтобы вода не залила трюмы. За необходимым ремонтом следили все четыре адмирала — Нахимов, Корнилов, Новосильский, Панфилов, — и всю ночь в турецкой бухте стучали русские топоры и молотки, стоял гомон горячей работы.

В бухте было затишье, но в открытом море с утра завывал норд-ост и перекатывались огромные валы. Такое состояние моря настойчиво требовало, чтобы суда, имевшие много пробоин, были починены на совесть, — это понимали все матросы; адмиралы же знали, со слов Османа-паши, что ещё 15 числа была послана им телеграмма в Константинополь о грозящей турецким судам и городу опасности от блокирующих бухту русских кораблей.

Четыре дня прошло уже с того часу, когда отправлена была телеграмма, а расстояние от Босфора до Синопа немногим больше расстояния от Синопа до Севастополя.

Неизвестно, конечно, было, как отнеслись французы и

англичане к телеграмме Османа-паши, но вестник поражения— адмирал Слэд на «Таифе» — при его быстром ходе в этот день к вечеру мог уже быть в Босфоре, и Нахимов вполне справедливо оценивал своё положение, когда говорил Корнилову:

— Мы не находимся в состоянии войны с Францией и Англией, это верно-с, но если они только желают воевать с нами, то лучшего повода к войне у них и быть не может, — смею вас уверить, Владимир Алексеич... И зачем им объявлять нам войну, когда без этой формальности обошлись даже турки? Они могут просто ввести весь свой соединённый флот в Чёрное море и напасть на нас по пути в Севастополь, если мы сегодня же не успеем починиться как следует, чтобы можно было сняться нам завтра утром... Вот как-с обстоит дело, на мой взгляд-с!

— Прежде всего, не успеют они этого, Павел Степаныч, хотя флот для нападения имеют вполне достаточный... — начал было развивать свою мысль Корнилов, но Нахимов поспешил вставить:

— Не успеют только в том случае, если мы успеем починиться как следует!

— Ну, да ведь мы и не мешкаем: стучим что есть мочи! Стук на кораблях действительно был вполне добросовестный; образовалась как бы целая русская верфь посредине турецкой бухты, в ближайшем соседстве с верфью синопской.

Команды с четырёх пароходов — так как пришёл ещё и «Громоносец», — а также с двух фрегатов, «Кагула» и «Кулевчи», помогали командам кораблей. Запасного леса на судах было довольно, так что незачем было тащить необходимый для ремонта материал из Синопа. Остались на месте и подданные султана — греки, неотступно умолявшие Нахимова и Корнилова и в этот день, чтобы их увезли в Россию.

Вечером оба вице-адмирала заняты были осмотром всех шести кораблей, внимательнейшим и подробным. Осмотр показал, что ещё немного, и сделано будет всё, что возможно было бы сделать, не заводя кораблей в доки. Ночью на двадцатое работы утихли, а утром вся эскадра снялась с якоря. Позади чернели, дотлевая, днища турецких судов, чернело и дымилось пожарище в турецком квартале Синопа, но это уже уходило в прошлое. Впереди открывалось во всю свою ширину неприветливое море.

Ветер продолжал дуть с северо-востока, грозя перейти в шторм. Но медлить с выходом в родной порт уже нельзя было, и эскадра пошла, огибая полуостров. Однако не вся:

«Мария», пройдя только с милю, дала течь, и её пришлось оставить на дополнительный ремонт, порученный контр-адмиралу Панфилову. Ремонт был закончен только к трём часам дня, когда этот более всех других пострадавший корабль смог, наконец, отважиться итти вслед за другими судами на буксире «Крыма» и под конвоем обоих фрегатов.

Но из ушедших утром только «Париж» и «Чесма» могли двигаться без помощи пароходов как наиболее уцелевшие. «Одессой» был взят на буксир «Константин», несший теперь флаг Нахимова, «Херсонес» вёл громадину «Три святителя», «Громоносец» тащил «Ростислава».

Однако слишком сильная зыбь, встреченная в открытом море, заставила пароходы отдать буксиры, а корабли — поставить паруса. «Чесма» и «Париж» явились в этом опасном рейсе конвоирами для остальных. Корнилов же снова на «Одессе» на всех парах отправился в Севастополь, чтобы не только стать вестником победы, но и выслать навстречу эскадре победительнице возможную помощь.

Для Нахимова наступили часы гораздо большей тревоги за свои суда, чем это было во время боя. Часы эти тянулись утомительно долго, и в первый день плавания наступившая ночь не только не принесла покоя, напротив, усилила тревогу.

Опасение внушал особенно старый корабль «Три святителя». Что, как не выдержат пробки сильных и настойчивых ударов волн? Ведь это тараны, а не волны! Корабли то зарываются в них, то взлетают стремительно. Что, как раскроются их раны как раз в эту беспросветно тёмную ночь, когда так издевательски свистит в снастях ветер? Как спасти команды тонущих кораблей в такую погоду ночью? Ведь половина их, если не больше, непременно должна погибнуть!

Итти вперёд нельзя, — однако и не итти нельзя! Можно считать почти чудом, если эскадра дойдёт благополучно. Но она должна притти благополучно, иначе такой дорогой ценой будет куплена Сикопская победа, что можно будет уже не считать её и победой: вместо славы для черноморцев — всемирный позор.

Нахимов заснул только на рассвете, когда суда сигнализировали, что всё благополучно. Проснувшись в обед, он услышал от одного из своих адъютантов, что грозивший всё время разыграться в шторм шквалистый норд-ост утихает.

— Прекрасно-с! Очень хорошо-с! — обрадовался Нахимов. — Но вот вопрос: где-то теперь «Мария»? Удалось ли исправить её как следует?

И весь остаток этого второго дня плавания, которое стоило

большого сражения, Нахимов провёл, не расставаясь со своей трубой: всё думалось ему, всё хотелось увидеть, как сзади, на горизонте, смутно замаячат мачты четырёх судов эскадры Панфилова.

Оба фрегата были легки на ходу, у «Марии», нового корабля, тоже был хороший ход... был, но каков-то теперь?

Нахимов за ужином должен был признаться вслух, что для него этот рейс гораздо беспокойнее любого боя. В эту ночь он хотя и лёг спать, но часто просыпался и требовал ответа: как «Три святителя»? Как «Ростислав»? Не подошла ли «Мария»?

Радость ожидала его утром двадцать второго числа: ему доложили, что милях в четырёх к западу замечены суда, идущие тем же курсом. Он тут же вышел на ют и навёл трубу.

— Ну, вот! Ну, вот! Это «Мария»! — обрадованно вскричал он. — «Мария» и оба фрегата... И пароход... Они нас обходят. И очень хорошо-с, прекрасно-с! Поднять сейчас же сигнал: «Вице-адмирал Нахимов благодарит контр-адмирала Панфилова».

Сигнал был поднят. Небольшая эскадра Панфилова около часу красовалась перед глазами Нахимова, потом, уходя вперёд, скрыла свои мачты за горизонтом. А в обед, когда стих ветер, показался пароход «Одесса», высланный на помощь эскадре. Наконец, можно было уже различить хорошо знакомые всем очертания берегов Крыма и белеющие в голубом мареве точки Севастополя, куда раньше своих боевых товарищей пришла гораздо опаснее их израненная «Мария».

4

Значение Синопского боя

Синопский бой был последним боем парусных судов. Им на смену уже пришли паровые, как колёсные, так и винтовые, но они пока ещё были скромных размеров, и боевые качества их были невысоки. Однако на французских верфях как раз в это время строились паровые суда, не только приближавшиеся по тоннажу к парусным военным кораблям, но имевшие уже броню, правда, пока ещё тонкую. На Чёрном море паровые суда появились через два года после Синопского боя. Ядра судовых орудий делали в их бортах только вмятины, но от них отлетали.

Синопский бой был состязанием не только русского парусного флота с таким же турецким, но ещё и с шестью бергс-

выми батареями, в которых было сорок орудий, а в те времена ходячим среди моряков было выражение: «Одна пушка на берегу стоит целого корабля в море».

Нередки были случаи, когда два-три орудия на берегу отбивали атаки больших судов.

Особенностью Синопского боя явилось то, что по приказу Нахимова атакующие суда стали на якорь, притом в близком расстоянии от атакуемых, то-есть с самого начала сражения отбросили всякую возможность маневрирования: неподвижный строй судов сражался с таким же неподвижным строем и совершенно без остатка истребил противника.

Черноморцы в этом последнем бою своего парусного флота показали, что такое русский матрос, когда имеет такого командира, как адмирал Нахимов.

Но моряков других европейских стран не могло не поразить, что с турецкими судами и береговыми батареями сражались и победили их русские матросы и офицеры, выносившие перед этим боем в течение месяца штормовые погоды в открытом море. Моряки знали также, что значило совершить обратный путь израненным в бою судам, снова в шторм, через всё Чёрное море, на свою базу.

Вот что писали английские моряки в одном из английских журналов начала 1854 г.: «Как бы ни смотрели на обстоятельства публицисты, мы, моряки, не можем относиться без уважения к неведомому для нас флоту, который смело борется с бурями в течение месяца, даёт сражение тотчас же после жестокого шторма, уничтожает противника и с торжеством благополучно возвращается в порт, несмотря на повреждения».

Моряки не могли не признать героизма и искусства русских моряков-черноморцев, однако Синопская победа далеко не одинаково была воспринята в России и в кабинетах соперничавших с нею правительств Англии и Франции.

В России, конечно, эта громкая морская победа вызвала бурный взрыв патриотических чувств.

Николай I приказал выпустить особую медаль для героев Синопа. Нахимов получил георгиевский крест 3-й степени (крест 4-й степени он получил за Наваринский бой). Новосильский был произведён в вице-адмиралы, Истомин — в контр-адмиралы.

Буквально тысячи стихотворений, воспевавших этот подвиг черноморских моряков, наводнили редакции газет и журналов.

С большой быстротой известный в те времена драматург Кукольник написал пьесу «Синоп», имевшую огромный успех

в театрах столицы. Балтийские моряки, переполнявшие театры, плакали от волнения.

На Западе же — в Англии, Франции, Австрии — Синопский бой всколыхнул все враждебные России силы.

Статьи газет были переполнены нападками на Россию и требовали неотложного объявления ей войны. Речи митинговых ораторов и депутатов парламентов сводились к тому, что русский Черноморский флот должен быть уничтожен, а Севастополь как его база разрушен.

Впрочем, иные из ораторов не ограничивались Севастополем: они, как и некоторые журналисты, требовали разрушения также и Кронштадта, и уничтожения Балтийского флота заодно с Черноморским, и, кроме того, оккупации Петербурга.

Страсти разгорелись необычайно, и, наконец, сильная английская эскадра, соединённая с эскадрой французской, вошла в Чёрное море, чтобы блокировать Севастополь, другая подобная эскадра появилась в Балтийском море, третья — в Белом, перед Соловецкими островами, четвёртая — даже у берегов Камчатки.

Началась длительная и очень кровопролитная Крымская, или Севастопольская, кампания 1854—1855 годов.

Синопский бой показал, что живы среди моряков-черноморцев боевые традиции, созданные ещё при Ушакове и Сенявине, но вместе с тем он дал понять врагам России, с кем им придётся иметь дело, когда они вздумают осуществить свой замысел нападения на Севастополь.

Огромному англо-франко-турецкому флоту, вошедшему в Чёрное море, не могли, как полагал Меншиков, с кадеждой на успех сопротивляться немногочисленные русские суда, поэтому флот остался в бухтах под прикрытием береговых батарей, а моряки вышли на сушу встречать большую по тому времени — почти семидесятитысячную — десантную армию противника, и недавние герои Синопа Нахимов, Новосильский, Истомин, Корнилов стали во главе не только моряков, но и сухопутных частей, бывших в севастопольском гарнизоне.

Севастопольские матросы и офицеры сражались и на суше так, как они привыкли сражаться на море. Они установили и для сухопутных войск, с которыми бок о бок бились, свой стиль обороны, выразившийся в неодолимой стойкости, меткой артиллерийской стрельбе, частых вылазках, выдержке, строгой дисциплине, быстроте и ловкости всех действий.

К осени 1855 года, когда Севастополь был оставлен русскими войсками по приказу главнокомандующего, от него как города остались одни развалины. Однако живыми и яркими

остались традиции русского военно-морского флота и города-героя. Они не могли не сказаться вновь, когда к нам в 1941 году хлынули гитлеровские полчища.

Гитлеровцы думали ошеломить нас множеством своих стальных машин, но они ошиблись: мы им противопоставили не только лучшую технику, но и отвагу, смелость и доблесть советских моряков и солдат — потомков севастопольцев, не только сохранивших, но и умноживших новыми высокими моральными качествами славные боевые традиции Черноморского флота.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Крейсерство эскадр Нахимова и Корнилова	3
2. Синопский бой	12
3. После боя. Возвращение эскадры в Севастополь	32
4. Значение Синопского боя	39

Редактор *Н. Фройнд*

Подписано к печати 6 ноября 1944 г.
А 12221. Объем 2 $\frac{1}{4}$ п. л. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 561. Цена 70 коп.